

может быть, и Вьетнамской войны, но, с другой стороны, в армии есть приказ, и приказ выполняется, а не обсуждается»⁷, – говорит майор И.Н. Авдеев. Впрочем, эта «мудрость задним числом», возможно, является корректировкой при переосмыслении прошлого, «ошибкой ретроспекции»: интервью респондент давал автору в конце 1993 года.

Национально-государственная мотивировка участия СССР в войне в Афганистане все-таки находила больший отклик в сознании кадровых военных. Войну в основном считали справедливой и верили в успех. «Была ли вера в победу, в правоту своего дела? – спрашивал себя полковник В.В. Титаренко и отвечал: – Ну, конечно. В тот период, конечно. И победа, мы хотели, чтоб была, и правота была. И защищали кого-то... Даже не кого-то, а престиж своей страны. Американцы тоже в свое время, да и сейчас говорят: «Мы свои интересы защищаем во всех точках земного шара». А почему мы не можем? Мы тоже богатая и крепкая страна, и у нас есть свои политические и стратегические цели, которые стоят перед нашим правительством, народом, страной...»⁸.

Вместе с тем кадровые офицеры, безусловно, осознавали специфику вооруженных действий на Востоке, в обществе с традиционной мусульманской культурой, с развертыванием партизанского движения и т.д. «Особенность войны в Афганистане была в том, что это чужая страна, и поначалу мы туда вошли как интернационалисты, а потом, когда развязались столкновения с бандформированиями, уже шла борьба за выживание: кто кого. Либо они нас, либо мы их»⁹, – рассуждает В.А. Сокирко.

Начиная с 1987 года, информация о событиях в Афганистане постепенно становилась более открытой и адекватной. Было признано, что в этой стране фактически ведется война, но в ее освещении преобладала героизация в духе революционного романтизма. Понятие «интернациональный долг» наполнилось иным смыслом, включившим военную помощь революционному афганскому народу против внутренней контрреволюции и иностранных бандформирований (имелся в виду Пакистан). Однако вскоре на этот «романтический» этап наложился третий – критический, переходящий в прямое очернительство роли во внутриафганском конфликте Советской Армии и СССР в целом.

В Женеве 14 апреля 1988 года министрами иностранных дел Афганистана, Пакистана, СССР и США был подписан блок документов по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана. Было принято решение о выводе советских войск, который начался 15 мая 1988 года и официально завершился 15 февраля 1989 года. В этот период пошел поток критических публикаций в средствах массовой информации и оценок ситуации на высшем государственном уровне. Наконец, на II Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989), решение о вводе войск в Афганистан в декабре 1979 года было признано политической ошибкой¹⁰.

Интересно, как это официальное идеологическое оформление войны сказывалось на психологии личного состава ограниченного контингента советских войск, его отношении к войне и к противнику.

По свидетельству воинов-«афганцев», побывавших в этой стране на разных этапах войны, восприятие участия СССР во внутриафганских делах и отношение к этому у военнослужащих постепенно менялось. Если вначале многие действительно верили официальным формулировкам об «интернациональной помощи» более развитого социалистического соседа революционному Афганистану, решившему вырваться из средневековой отсталости, то по мере расширения боевых действий и ожесточения сопротивления афганской оппозиции, развертывания партизанской войны, все чаще возникали вопросы: «Зачем мы здесь?». Официальным ответом на них был перенос акцентов в политико-воспитательной работе с формулировок о помощи афганской революции на защиту государственных интересов СССР – от «козней американского империализма» в Центральной Азии и от угрозы южным границам СССР. Но на третьем этапе, когда произошла полная дезориентация в идеологических установках и в политическом обосновании участия СССР в афганском конфликте, которая особенно обозначилась после переговоров Горбачева с Рейга-